

Максимов К. Н., Очиров У. Б. Рец. на *История башкирского народа: в 7 т. Т. IV*. СПб.: Наука, 2011. 400 с.

Социально-политические пертурбации последнего десятилетия XX века коренным образом отразились на развитии отечественной исторической науки. Одним из последствий этих перемен стала активизация и возрастание роли региональных исторических научных школ, в том числе и в национальных автономиях. Причиной последнему послужил ряд факторов: исчезновение диктата идеологии над наукой, складывание и/или усиление региональных научных школ за счет подготовки высококвалифицированных кадров, рост национального самосознания и т. д.

Во многих республиках, в которых имелись научные исторические исследовательские учреждения и вузы, стали создаваться обобщающие фундаментальные труды (коллективные монографии) по истории данного региона или народа. Безусловно, эти работы опирались на труды предшествующих поколений ученых, в том числе и на обобщающие исследования по истории регионов, созданные в советский период. Однако большинство таких изданий именовались «Очерками», что подразумевало их некоторую незавершенность [см., напр.: Очерки по истории Башкирской АССР 1956, 1959, 1966; Очерки истории Калмыцкой АССР 1967 и 1970]. Для историографии ряда регионов 1990-е–2000-е гг. стали возможностью сделать следующий шаг по созданию обобщающих историй, используя как разработки предшественников, так и результаты новых исследований.

За последние два десятилетия (1993–2013 гг.) многие из этих проектов увенчались успехом: по подсчетам авторов данной статьи, за указанный период в 15 национальных автономиях было опубликовано 39 томов обобщающих историй региона или народа (каждый такой труд включает в себя от 1 до 7 томов) [История башкирского народа 2009–2012; История Бурятии 2011; История Дагестана 2004–2005; История Калмыкии 2009; История Карелии 2001; История Коми 2004; История Мордовии 2001, 2005, 2010; История Осетии 2012; История Республики Алтай 2002; История татар 2002, 2006,

2009, 2013; История Тувы 2001, 2007; История Удмуртии 2004, 2005, 2008; История Хакасии 1993; История Чечни 2006, 2008; История Чувашии 2001, 2009]. Следует подчеркнуть, что авторы учитывали лишь обобщающие труды в виде коллективных монографий, оставив в стороне учебные пособия, сборники документов и т. п. В одних республиках написание фундаментальных трудов продолжается (например, в Татарстане); в других — к работе только приступили (например, в Якутии).

В свете дискуссий об эффективности академической науки, недавно развернувшихся вокруг принятия так называемого «Закона о реформе РАН», хотелось бы обратить внимание читателя на следующий факт. Хотя для написания таких трудов (иногда при поддержке региональных правительств) формировались авторские коллективы из наиболее авторитетных и знающих специалистов, независимо от места их работы, как правило, руководство этими проектами осуществлялось научно-исследовательскими учреждениями, большинство из которых относились к числу академических. Исключения относятся к разряду подтверждающих само правило, так как имели место только в тех регионах, где институты РАН отсутствовали. Однако и здесь в некоторых случаях методическое руководство и/или редактирование коллективных монографий осуществлялись известными учеными из академических институтов, например, профессором С. И. Вайнштейном (Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая), академиком РАН А. П. Деревянко (Институт археологии и этнографии СО РАН), членом-корреспондентом РАН В. А. Ламиным (Институт истории СО РАН) и др.

На прошедшей недавно конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (Уфа, 12–15 сентября 2013 г.) состоялась презентация одного из таких обобщающих академических трудов — «Истории башкирского народа». Этот фундаментальный труд был создан под эгидой Института истории, языка и ли-

тературы Уфимского научного центра РАН (далее — ИИЯЛ УНЦ РАН), Академии наук Республики Башкортостан и при поддержке Правительства Республики Башкортостан. Он состоит из 7 томов, выстроенных по хронологическому принципу, а также приложения — 7 томов «Документов и материалов по истории башкирского народа» [История башкирского народа 2009–2012; Документы и материалы 2012–2013].

Внимание авторов данной рецензии привлек 4-й том, хронологически охватывающий весь XIX в., в течение которого Россия шагнула от феодального абсолютизма через эпоху Великих реформ 1860-х гг. и коренные преобразования системы управления и внутренней политики, промышленный переворот и научно-техническую революцию в стадию монополистического капитализма, совершив значительный модернизационный рывок. На окраинах, особенно национальных, эти процессы преломлялись весьма специфическим образом, и Башкирия в этом отношении не была исключением. Комплексное и полноаспектное изучение особенностей этого процесса представляет собой весьма сложное, но крайне актуальное и, на наш взгляд, довольно интересное исследование.

Четвертый том «Истории башкирского народа» посвящен истории башкир с конца XVIII в. (с момента введения кантонной системы управления, коренным образом изменившей социально-политическую систему региона) до начала Русско-японской войны (ставшей предтечей первой русской революции, изменившей социально-политическую систему всей страны). Как видно из введения и анализа историографии и источников (1-я глава 1-го раздела), авторы тома не только подвергли всестороннему анализу имеющуюся литературу по истории башкир XIX в. и использовали научный потенциал, созданный предшествующими поколениями историков, но и привлекли обширную источниковую базу, причем значительное количество архивных документов по ряду вопросов было введено в научный оборот впервые.

История башкир в XIX в., как указано в «Предисловии» (с. 5), рассматривается авторами в рамках концепции интеграции Башкортостана в состав России, т. е. приспособления традиционных институтов башкирского общества к административной структуре Российского государства, вклю-

чения башкир в социокультурные процессы всего пространства империи. Основная концепция предопределила проблемно-хронологическую структуру тома, состоящего (помимо традиционных «Предисловия» и «Заключения») из двух основных разделов: 1) «Процесс интеграции башкир в административно-правовую структуру Российского государства. Кантонная система» (6 глав); 2) «Башкирский народ в модернизирующейся России» (5 глав). Если исключить вышеупомянутую главу по анализу историографии и источников (которую, на наш взгляд, логичнее было бы вынести за пределы раздела основной части и свести с предисловием в единую вводную часть), то в главах внутри обоих разделов последовательно рассматриваются особенности общественно-политического, социально-экономического и духовно-культурного развития башкирского общества.

Нельзя не согласиться с авторами в том, что кантонная система управления явилась оптимальной моделью интеграции башкир. Предыдущий, XVIII век в истории Башкирии можно назвать «бунташным» — практически все столетие регион сотрясали восстания, достигшие своего апогея во время движения Е. И. Пугачева. Избранная О. А. Игельстромом модель интеграции, реализуемой через вектор военной службы, оказалась весьма удачной и эффективной для системы управления краем: повстанческое движение постепенно сходит на убыль. Следует отметить, что идея интеграции инородцев через их перевод в статус военно-служилого сословия была отнюдь не нова и неоднократно выдвигалась управленцами высокого уровня (особенно из числа генералов) как раньше, так и позже, по отношению ко многим народам России, в том числе и к калмыкам. Однако именно в башкирском обществе такая система оказалась наиболее успешной и результативной. Авторы тома тщательно рассмотрели процессы создания и трансформации кантонной системы в течение всего времени ее существования, проанализировав проекты реформ Башкиро-мещеряжского (с 1855 г. Башкирского) войска, в котором к 1862 г. несла службу почти треть всего казачьего населения Российской империи. Учитывая важность данного аспекта, авторы уделили особое внимание эволюции военной службы башкир на протяжении XIX в. — от иррегулярного национального войска к служ-

бе по призыву в частях российской армии. Сотрудничество с национальной элитой и привлечение башкир к военной службе на пограничной линии и участию в походах российской армии в рамках кантонной системы позволили правительству преодолеть кризис и обеспечить продолжение интеграционных процессов.

Наиболее блистательным примером военной службы башкир в рамках кантонной системы стало их участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. Поскольку авторы данной рецензии специализируются на наполеоновских войнах [см., напр.: Максимов, Очиров 2012], то, наверное, будет понятен особо пристальный интерес к параграфам, посвященным этой теме. По массовости участия в этих войнах башкиры среди иррегулярных войск были вторыми после донских казаков. В войне 1812–1814 гг. башкирские полки (вместе с мишарскими и тептярскими) составили более трех четвертей всех национальных полков, выставленных российской армией против Наполеона. В данном томе хорошо показано, что полки, принявшие участие в боевых действиях, не затерялись в общей массе частей и с достоинством пронесли овеянные славой знамена от берегов реки Белой до набережной Сены. Башкирские иррегулярные полки, отличавшиеся повышенной мобильностью, прекрасно вписались в «скифскую» стратегию, избранную командованием российской армии в начале Отечественной войны, особенно в рамках партизанской войны. Мало того, по мере накопления опыта башкирские полки стали использовать как регулярные части, которые громили в рукопашных схватках кавалерию противника, опрокидывали пехотные колонны, брали штурмом батареи, осаждали крепости.

Следует отметить, что автором данных параграфов был введен в научный оборот значительный массив документов из фондов РГВИА (например, Ф. 103 «Барклай де Толли», Ф. 489 «Послужные списки», Ф. 846 «ВУА»), а также ЦИАМ, ЦИА РБ и др. Хотелось бы указать и на тот факт, что результаты исследований предварительно были апробированы в научных журналах и на конференциях [Рахимов 2008, 2009, 2010, 2011, 2012].

С другой стороны, совершенно очевидно, что от введения кантонной системы выиграла в основном элита башкирского

общества, а на рядовых башкир, которые имели минимальные права, легла вся тяжесть выполнения невероятно трудных обязанностей, связанных с принадлежностью к военному сословию. Мало того, в отличие от казачьих войск, у башкир трудовые повинности преобладали над военной службой. В результате рядовые башкиры разорялись, некоторые из них на службу являлись безлошадными. Тем не менее, нельзя не согласиться с авторами в том, что «в исторически обозримом времени, вплоть до сегодняшнего дня, только во времена кантонной системы все башкиры, независимо от того, в какой губернии или местности они жили, имели одно общее управление, представляли себя как единое целое, что способствовало консолидации башкирского народа, развитию его самосознания. В связи с активным использованием башкир в войнах, которые вела страна, а также в процессе освоения степи у них формировалось сознание человека империи, участника процесса ее становления» (с. 353). Таким образом, кантонная система выполнила свою основную задачу по завершению процесса интеграции башкир в российское имперское пространство.

Отмена кантонной системы в 1863 г. и последовавшие затем реформы открыли для башкирского народа новую эпоху. В этот период начинают развиваться процессы аграрной модернизации, связанные как с наследием кантонной системы (насилованный перевод к оседлости и земледелию), так и с общими процессами развития капиталистических отношений, протекавших в России. Модернизация в сельском хозяйстве сопровождалась процессами социального расслоения башкирского общества. В первой половине XIX в. башкиры были вовлечены в промышленное производство — в работы на горных заводах, золотодобычу, поташное производство, которые имели сезонный характер. В башкирском обществе начали появляться новые социальные слои — сельские предприниматели (кулаки), фабрично-заводской пролетариат и т. д. Однако они составляли небольшую часть башкирского народа. Абсолютное большинство башкир по-прежнему оставалось общинниками, сохранив привычный образ жизни, основанный на аграрном хозяйстве. Вместе с тем, в башкирском обществе продолжился процесс дальнейшего формирования дворянства, начавшийся еще с конца XVIII в.

В годы Великих реформ страна вступила в новую эпоху, что, конечно же, не могло не отразиться и на национальных окраинах. В башкирском обществе происходят заметные изменения как в социальном, так и в культурном плане, начинается век просветительства. Одновременно с началом аграрной модернизации, происходящей на фоне перехода башкир к оседлости и земледелию, в крае усиливается приток переселенцев, особенно в конце XIX — начале XX в. Эти процессы проходили на фоне массового расхищения башкирских земель (особенно в 1870-х гг.) и разорения общинников, приведших к трагическим последствиям. В целом, процесс социокультурной интеграции в данном томе показан с учетом всей его сложности, без стремления к идеализации. На наш взгляд, в томе успешно исследованы процесс хозяйственного освоения края, начало аграрной модернизации и включение в нее башкир, вовлечение их в промышленное развитие и торговлю. В течение XIX в. постепенно, но неуклонно происходил переход на общеимперскую систему законодательства и управления с учетом местных традиций и условий. В целом, в книге большое внимание уделено состоянию и развитию башкирского общества как в период кантонной системы, так и в пореформенное время.

В книге большое внимание уделено демографическим процессам. Всесторонний и подробный анализ материалов ревизий позволил авторам подробно рассмотреть особенности демографического развития башкирского народа, выявить ее динамику и факторы, влиявшие на нее. В томе проанализировано положение башкирской семьи, ее эволюция, а также начало интеграции башкирского народа в урбанистическую среду в конце XIX в.

Коренные изменения произошли в образовательной системе, где на смену профессиональной школе начали приходиться учебные заведения европейского (национального) типа с преподаванием на родном языке, ставшие наряду с правительственными русско-башкирскими учебными заведениями той основой, на которой выросла национальная интеллигенция и новая культура. В томе обобщены результаты исследований жизни и деятельности башкирских просветителей, показан их вклад в развитие образования, литературы, башкирского языка. Оправдано и то, что осве-

щая их жизненный путь и труды, авторы вышли за хронологические рамки исследования, поскольку некоторые просветители жили в начале XX в., и разрывать или отсекать их деятельность было нецелесообразно, поскольку в этом случае терялась цельность изложения.

В данном томе значительное внимание уделено и многим аспектам культуры башкирского народа, а также ее трансформации в пореформенный период. В работе проанализированы яркие образцы фольклора, рассмотрено развитие письменности и литературы, башкирского языка. Исследуемый период в истории башкирского литературного языка «стал связующим мостом двух крупных эпох (донациональной и национальной)» (с. 339), и авторы совершенно справедливо увязывают особенности трансформации культуры башкирского народа с социально-экономическими процессами пореформенного периода. Рассмотрение духовно-культурной сферы во взаимосвязи и в контексте общественно-экономического развития региона позволило создать цельную картину истории башкир в динамике на протяжении всего XIX столетия.

Большую ценность для читателей имеют и вспомогательные указатели: именной и географический. Представленный в этом томе список использованных источников и литературы представляет собой фактически библиографический справочник по истории Башкортостана XIX в. Нельзя не отметить и грамотный подбор иллюстративного материала, который удачно дополняет текстовое изложение.

Авторы рецензии пользуются случаем, чтобы поздравить коллег из ИИЯЛ УНЦ РАН с завершением столь важного фундаментального академического труда, который, без сомнения, станет исторической вехой не только в общественно-культурной жизни Республики Башкортостан, но и во всей востоковедческой науке России.

Литература

Документы и материалы по истории башкирского народа: в 7 т. / Российская акад. наук, Уфимский научный центр, Ин-т истории, языка и литературы, Правительство Республики Башкортостан, Акад. наук Республики Башкортостан; [гл. ред.: М. М. Кульшарипов]. Уфа: Гилем, 2012.

- История башкирского народа*: в 7 т. / Российская акад. наук, Уфимский научный центр, Ин-т истории, языка и литературы, Правительство Республики Башкортостан, Акад. наук Республики Башкортостан; [гл. ред.: М. М. Кульшарипов]. Т. I. М.: Наука, 2009. 400 с.; Т. II. Уфа: Гилем, 2012. 416 с.; Т. III. Уфа: Гилем, 2011. 476 с.; Т. IV. СПб.: Наука, 2011. 400 с.; Т. V. Уфа: Гилем, 2010. 468 с.; Т. VI. М.: Восточная литература, 2011. 374 с.; Т. VII. Уфа: Гилем, 2012. 424 с.
- История Бурятии*: в 3 т. / Правительство Респ. Бурятия, Учреждение Российской акад. наук Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отд-ния РАН; [гл. ред. и рук. проекта Б. В. Базаров]. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 1. Древность и средневековье. 328 с.; Т. 2. XVII – начало XX в. 624 с.; Т. 3. XX – XXI вв. 464 с.
- История Дагестана с древнейших времен до наших дней*: в 2 т. / Рос. акад. наук, Дагестан. науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии; [редкол.: А. И. Османов (отв. ред.) и др.]. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 2004. 627 с.; Т. 2. XX век. Махачкала: Юпитер, 2005. 657 с.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней*: в 3 т. / Российская акад. наук, Калмыцкий ин-т гуманитарных исслед. РАН; [редкол.: К. Н. Максимов (отв. ред.) и др.]. Элиста: Изд-во «Герел», 2009. Т. I. 848 с.; Т. II. 840 с.; Т. III. 752 с.
- История Карелии с древнейших времен до наших дней* / Кар. науч. центр Рос. акад. наук, Ин-т яз., лит. и истории; [под общ. ред. Н. А. Кораблева и др.]. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
- История Коми*: с древнейших времен до конца XX в.: в 2 т. / Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории; [под общ. ред. А. Ф. Сметанина]. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. Т. 1. 558 с.; Т. 2. 702 с.
- История Мордовии*: в 3 т. / Ист.-социол. ин-т Морд. гос. ун-та им. Н. П. Огарева (ИСИ); [под ред. Н. М. Арсентьева и В. А. Юрченкова]. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX века. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2001. 343 с.; Т. 2. От эпохи великих реформ до великой российской революции. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2005. 412 с.; Т. 3. От Гражданской войны к гражданскому обществу. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2010. 511 с.
- История Осетии*: в 2 т. / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исслед. им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания; [З. В. Канукова (гл. ред.) и др.]. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. Т. 1: История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века. 500 с.; Т. 2. История Осетии в XIX – начале XX века. 420 с.
- История Республики Алтай* / Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова; [Ред. А. П. Деревянко (гл. ред.) и др.]. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2002. Т. 1: Древность и средневековье. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2002. 359 с.
- История татар*: в 7 т. / Институт истории им. Ш. Марджани, Акад. наук Республики Татарстан; [редкол.: Р. С. Хакимов (гл. ред.) и др.]. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Изд-во «Рухият», 2002. 552 с.; Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. 960 с.; Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 1056 с.; Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. 1172 с. + 64 с. вкл.; Т. VII. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. 1008 с. + 64 с. вкл.
- История Тувы*: [в 2 т.] / Ин-т гуманитар. исслед. Респ. Тыва; [под общ. ред. С. И. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола]. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Наука, 2001. 367 с.
- История Тувы*: [в 3 т.] / М-во науки, учебных заведений и молодежной политики Респ. Тыва, Тувинский ин-т гуманитарных исслед. [под общ. ред. В. А. Ламина]. Т. 2. Новосибирск: Наука, 2007. 429 с.
- История Удмуртии*: с древнейших времен до XV века / Российская акад. наук, Уральское отд-ние, Удмуртский ин-т истории, яз. и лит.; [редкол.: М. Г. Иванова (гл. ред.) и др.]. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО, 2008. 304 с.
- История Удмуртии*: конец XV – начало XX века / Рос. акад. наук, Ур. отд., Удмурт. ин-т истории, языка и литературы; [под ред. К. И. Куликова]. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы, 2004. 549 с.
- История Удмуртии*: XX век / Рос. акад. наук, Ур. отд-ние, Удмурт. ин-т истории, яз. и лит.; [редкол.: К. И. Куликов (гл. ред.) и др.]. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит., 2005. 543 с.

- История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / Хакас. НИИ яз., лит. и истории; [отв. ред. Л. Р. Кызласов]. М.: Наука, Вост. лит., 1993. 528 с.*
- История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 томах / Правительство ЧР, М-во ЧР по нац. политике, печати и информ., Акад. наук ЧР; [редкол.: Ш. Б. Ахмадов (отв. ред.) и др.]. Т. 1: История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный: Кн. изд-во, 2006. 826 с.; Т. 2: История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный: Кн. изд-во, 2008. 830 с.*
- История Чувашии новейшего времени / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; [науч. ред. В. Н. Клементьев]. Кн. 1. 1917–1945. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2001. 262 с.; Кн. 2. 1945–2005. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2009. 398 с.*
- Максимов К. Н., Очиров У. Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: Герел, 2012. 519 с.*
- Очерки истории Калмыцкой АССР: [в 2 т.] / АН СССР. Ин-т истории; Калм. науч.-исслед. ин-т яз., литературы, истории; [Гл. ред. Н. В. Устюгов и др.]. Т. 1. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 480 с.; Т. 2. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.*
- Очерки по истории Башкирской АССР: [в 2 т.] / [Под ред. А. П. Смирнова и др.]; Акад. наук СССР. Башкир. филиал. Ин-т истории, яз. и лит. Т. 1. Ч. 1. Уфа: Башк. кн. издат., 1956. 303 с.; Т. 1. Ч. 2. Уфа: Башк. кн. издат., 1959. 539 с.; Т. 2. Уфа: Башк. кн. издат., 1966. 645 с.*
- Рахимов Р. Н. 1-й Башкирский полк в Отечественной войне 1812 года // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Материалы II Международной научной конференции (Бородино, 3–5 сентября 2007 г.). Можайск: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2008. С. 283–292.*
- Рахимов Р. Н. Башкирские полки в 1812 году в современной историографии: от мифов к истории // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XV Международной научной конференции, 9–11 сентября 2008 г. Можайск: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2009. С. 246–254.*
- Рахимов Р. Н. Документы о башкирских полках в 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Труды ГИМ. Вып. 181. М.: ГИМ, 2009. Т. VIII. С. 291–300.*
- Рахимов Р. Н. Тревожная осень 1812 года // Ватандаш. 2011. № 7. С. 3–12.*
- Рахимов Р. Н. И Париж видали мы... Уфа: Китап, 2012. 192 с.*